

Т. И. Оранская

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ НАРОДНЫХ ПЕСЕН БУНДЕЛЬКХАНДА (ИНДИЯ)

АННОТАЦИЯ. В статье представлены шесть молитвенных, или просительных, народных песен на бундели, диалекте хинди, с переводом на русский и комментарием, поясняющим этноконфессиональную специфику текстов. Они обращены к Хардолю, местному божеству Бунделькханда, который считается обожевленным принцем из династии Бунделов, жившим в начале XVII в. Центром его культа является бывшая столица Бунделов, городок Орчха. Хардоль почитается как покровитель невест, устроитель свадеб и счастливой супружеской жизни. Легенда о Хардоле включает агиографию, завершающуюся смертью от отравления ядом в юном возрасте, и посмертную часть, в которой он, будучи призраком, щедро одаривает дочь сестры на ее свадьбе. Его отравила по приказу мужа жена старшего брата, раджи Орчхи, безосновательно подозревавшего супругу в любовной связи с деверем. Хардоль умирает добровольно, чтобы спасти честь невестки и своей кровной семьи. После смерти он, исполнив долг брата (на бундели: *bīr*) и дяди, спасает честь сестры и семьи ее мужа. Эти эпизоды объясняют апофеоз героя (бундели: *bīr*; хинди: *vīr*) и женскую суть его культа в том виде, в каком он известен в последнее столетие или несколько дольше. Анализ молитвенных/просительных песен в этнорелигиозном контексте свидетельствует о многослойности фигуры Хардоля. Сопоставление с типологическими характеристиками божеств малой традиции индуизма позволяет проследить развитие этого божества из культа предков, а именно из группы *бир* (*bīr*) — духов людей, умерших насильственной смертью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хардоль, Бунделькханд, молитвенные / просительные народные песни, покровитель невест, честь семьи, *чабутара*, культ предков, шиваизм, *бир* (*bīr*), *бхам* (*bhāt*)

УДК 398(540)

DOI 10.31250/2618-8600-2019-4(6)-90-107

ОРА Н С К А Я Татьяна Иосифовна — профессор, Гамбургский университет (Гамбург, Германия)

E-mail: tatiana.oranskaia@uni-hamburg.de

В этой публикации представлена группа молитвенных песен на бундели, одном из западных диалектов хинди.

Нина Георгиевна Краснодембская — один из моих учителей, которым я обязана знанием литературного хинди. Она преподавала в нашей группе, студенты которой поступили на кафедру индийской филологии Восточного факультета Ленинградского университета в 1968 г. Ее занятия проходили в на редкость непринужденной обстановке и были в основном посвящены переводу рассказов хинди на русский. Художественный перевод с новых индоарийских языков много лет сопровождал ее основную деятельность — этнографические исследования. В этой статье, подготовленной для специального номера журнала «Этнография» в честь юбилея Нины Георгиевны, с которым я ее от всей души поздравляю, я тоже попыталась совместить перевод с этнографией: перевод фольклорных текстов с их толкованием в этнографическом и этнорелигиозном ключе.

ВВЕДЕНИЕ

Речь пойдет о молитвенных песнях, обращенных к Хардолю, местному божеству Бунделькханда. Бунделькханд — культурный регион в Северной Индии. После достижения Индией независимости в 1947 г. он не имеет административного статуса. По наиболее распространенному определению его территории, он включает шесть южных дистриктов Уттар Прадеша и семь северных дистриктов Мадхья Прадеша. Из-за географического положения в самом центре Северной Индии, куда доходит мало муссонных облаков, сельское хозяйство — основное занятие его населения — здесь неприбыльно, так что Бунделькханд является одним из самых бедных районов страны. Благодаря, в частности, этому обстоятельству, его традиционная культура сохранилась до сих пор лучше, чем местные культуры промышленных и более притягательных для иммиграции регионов. К традиционной культуре относятся и многочисленные местные религиозные культы, со многими из которых связаны устные — во всяком случае, изначально устные — предания, явления изобразительного и театрального искусства, а также песни. К таким культам малой, или сельской (*grāmya*), индуистской традиции (см., например: Michaels 2006: 39) принадлежит и культ Хардоля, развившийся в среде низких каст (Smith 1875) и, возможно, племен.

Центр этого культа — городок Орчха в штате Мадхья Прадеш, бывшая столица раджпутского рода Бунделов, давшего имя подвластной им территории. Впрочем, название Бунделькханд распространилось и на некоторые районы, в которых Бунделы не правили. Они относят себя к клану Гахарваров и, соответственно, к Солнечной династии. Нынешний махараджа Орчхи и его семья считают себя потомками Хардоля, что отражено в их официальной генеалогии (Orchha Princely State).

Исторические документы, подтверждающие этот факт, мне неизвестны. Во всяком случае, для жителей Бунделькханда в образе Хардоля неразрывно слиты божество и историческая фигура. Его полное имя — Хардео Сингх (Hardeo Singh) (Gaur 2005: 106). В исторической традиции Орчхи приняты следующие даты его жизни: 1665–1688 по календарю Викрамадیتی, что соответствует 1608–1631 по григорианскому летосчислению (Gaur 2005: 12–13, см. таблицу на этих страницах). Как считается, он был сыном величайшего раджи Орчхи Бир Сингх Део и младшим братом наследовавшего отцу на Орчхийском престоле Джуджхар Сингх Део.

Хардоля почитают ныне прежде всего как покровителя невест и девиц на выданье; он обеспечивает безупречное проведение свадебного ритуала и, как следствие, счастливую семейную жизнь. С этой ролью связаны некоторые ритуальные особенности его культа. Так, Хардоля непременно приглашают на свадьбу. На его святилище вместе с обычными предметами, приносимыми богам при пудже, оставляют письменное приглашение. Надежнее всего лично отдать приглашение Хардолю на его главном святилище в Орчхе, в саду Пхульбаг (букв. ‘цветочный сад’) его дворца, но приглашительную открытку можно послать туда и по почте. Кроме того, жертвенное приношение ему непременно включает желтый (крашеный куркумой) вареный рис (Oranskaia 2018: 76).

Рис. 1. Обычная чабутара в Бунделькханде, на ней шивалинга и керамическая фигурка коня.

Святылища Хардоля есть в каждом городе и каждой деревне Бунделькханда. Лишь на периферии региона крайне редко встречаются населенные пункты, в которых его святылищ нет. Как правило, это типичные для многих частей северной Индии и Непала *чабутары*, или *чаутры* (*cabūtrā/cautrā*) — четырехугольные платформы вытянутой формы, обычно от 50 до 70 см высотой и площадью от одного до полутора-двух кв. м. Они возводятся в честь местных божеств, почитаемых умерших тхакуров, обычно безымянных, и иногда — предков. Как правило, на них стоят керамические фигурки коней (см. рис. 1). Есть и большие *чабутары*. Главная *чабутара* Хардоля в Орче, в саду Пхульбаг, значительно больше обычных *чабутар*, она покрыта крышей и обнесена по периметру проволочной сеткой с крупными ячейками, как стенами (см. рис. 2). Кроме того, в Бунделькханде и даже за его пределами есть несколько храмов Хардоля, что свидетельствует о значении этого божества, превосходящем обычные местные культы (см. Sleeman 1915: 162–165).

Многие факты указывают на то, что этот культ, включающий периодический ритуал одержимости, развился из культа предков. Очевидно, что предтечей нынешнего героя (бундели *bīr* ~ хинди *vīr*) был дух человека, умершего насильственной смертью, который называется тем же словом — *bīr*. Слово *bīr* имеет также значение ‘брат’ — обстоятельство весьма существенное в контексте легенды о Хардоле, в кульминации которой он

Рис. 2. Чабутара Хардоля в саду его дворца, Орча.

выполняет святой долг брата на свадьбе дочери сестры. Именно эта часть легенды объясняет его культ.

Эта легенда, постоянно изменяющаяся и обрастающая новыми деталями, существует в нескольких версиях, устных, письменных и электронных. Здесь будет изложена версия, отраженная в песнях, ее, очевидно, можно считать ядром существующего многообразного нарратива. Песенная традиция, скрепленная стихотворной и музыкальной формой, несомненно, более устойчива, чем прозаическое устное повествование, с легкостью вбирающее новое содержание из литературных произведений о Хардоле и аудио и видеобработок сюжета, а также из считающихся научно-историческими работ о нем. Отметим, что фольклорные версии и версии, написанные в «научном» жанре, расходятся зачастую весьма значительно в изложении агиографии героя (Oranskaia 2018: 78–80).

Первая публикация песен о Хардоле принадлежит Смитту (Smith 1875). Он транслитерировал и перевел на английский пять песен. Около десятилетия спустя были опубликованы еще две песни, одна из них, к сожалению, только в приблизительном переводе на английский, без текста на бундели (Cunningham 1884: 163–165). Затем четыре песни, записанные в Хардваре от брахмана–саньясина, опубликовал с переводом на английский пандит Р. Г. Чаубе (Chaube 1896). Последние известные мне публикации оригиналов и их переводов на английский содержат две короткие песни, записанные школьными учителями-индийцами (Crooke 1910). В этих четырех работах нет ни одной из песен, публикуемых в настоящей статье. Начиная с 1960-х годов стали выходить книги на хинди о культуре и истории Бунделькханда, в некоторых из которых, в числе прочих образцов местного фольклора, опубликованы и отдельные песни о Хардоле. В 2015–2016 году (соответствует 2072 году по индуистскому календарю Викрама) вышел сборник песен о Хардоле, составленный Судхой Гуптой (Guptā 2015–2016). Тексты трех из опубликованных здесь песен взяты из сборника «Песни жизненного цикла Бунделькханда» (Tivāṅī; Śukla 1995).

Песни о Хардоле можно разделить на повествовательные, сообщающие ключевые моменты сюжета, и молитвенные, или просительные, в которых к нему обращаются с просьбами, нередко связанными с содержанием легенды.

ЛЕГЕНДА О ХАРДОЛЕ

Легенда включает две части: житийную и посмертную. Агиографическое жизнеописание завершается насильственной смертью, которая служит границей между двумя частями.

Хардоль был младшим братом Джуджхар Сингха, взошедшим на престол Орчи после смерти их отца, раджи Бир Сингх Део, в 1627 г. Между братьями была большая разница в возрасте.

Мать Хардоля умерла, когда он был младенцем, и жена Джуджхар Сингха, рани Чампавати (Cāmpāvātī), заменила ему мать. Хардоль любил и чтит ее как сын. Для нее он был «лала» (*lālā*) ‘младший деверь’, ‘сын-нок’, ‘любимец’. Этот термин употребляется как постоянный эпитет-приложение к его имени и является его частью — Лала Хардоль. Еще один термин, тоже использующийся (хотя и реже чем Лала) как постоянный эпитет, определяет его по должности — Диман (*dimān/dinmān* < хиндустани/фарси *dīvān*), здесь ‘главный министр’.

Раджа проводил большую часть времени при дворе Шах Джахана в Агре или в военных походах могольского правителя на Декан, и Хардоль в совсем еще юном возрасте стал министром и принял управление делами Орчи. Он правил мудро и справедливо, и народ Орчи любил и уважал молодого министра.

Однако, как у любого правителя, были враги и у Хардоля. В очередной приезд раджи в свою столицу они оклеветали Хардоля и рани в его глазах, сообщив Джуджхар Сингху о их якобы любовной связи. Охваченный яростью, раджа приказал жене отравить деверя, если она не виновна. Чампавати оказалась перед тяжелым нравственным испытанием: как преданная жена она не могла послушаться мужа, но и погубить безвинного молодого человека, который был ей как сын, она тоже не могла. Рани попылась найти выход из этого ужасного положения. Она пригласила Хардоля на трапезу, насыпала яд во все 52 блюда (число блюд для торжественной трапезы) и в воду для питья и предупредила деверя, что и еда, и питье отравлены. Однако Хардоль, узнав о причине приказа старшего брата, выбрал смерть. Он отведал от поданных яств и умер в мучениях. В прозаическом повествовании вместе с ним пожелали умереть той же смертью 900 солдат его гвардии, слуга из касты мехтар, прислуживавший ему с младенчества, конь и собака. Песни, в которых присутствовал бы этот эпизод, мне неизвестны.

На этом заканчивается первая часть легенды. Прежде чем перейти к ее второй — посмертной — части, следует обратить внимание на отраженные здесь основные понятия социальной культуры. Почему Хардоль не принимает предложение Чампавати отказаться от отравленной пищи? Основная причина — стремление спасти честь семьи. Смерть Хардоля от руки невестки служит, по мысли брата-раджи, доказательством их невиновности и снимает позор, которому обвинение в интимной связи подвергает кровную семью обоих братьев, являющуюся к тому же правящим родом (заметим попутно, что здесь можно проследить отдаленную

параллель мотиву испытания Ситы в Рамаяне). Кодекс чести, включающий исполнение долга, в том числе перед семьей, для раджпута превыше всего, и Хардоль, не колеблясь, следует ему, жертвуя жизнью. В иконографии Хардоль предстает всадником на белом коне в раджпутском одеянии (рис. 3).

Клевета врагов Хардоля связана с этнографическими особенностями и формами традиционных семейных отношений в Северной Индии. Согласно правилам, особенно строгим у раджпутов, женщина не смеет открывать лица перед старшими мужскими родственниками мужа и разговаривать с ними, более того — они не должны слышать ее голос. Отношения с младшим деверем, напротив, отличает полная непринужденность, она может с ним говорить и смеяться, и отмачивать непристойные шутки (Karve 1990: 193). Легкий флирт не вызывает осуждения окружающих, но он может перерасти в интимную связь, особенно пока деверь не женат, что, разумеется, порицается (Оранская 1996). Именно такая ситуация и лежит в основе губительного навета. В легенде чистота отношений между Хардолем и его невесткой подчеркивается тем, что они по сюжету заменены отношением «сын — мать». Из однопоколенных они переведены в межпоколенные и из отношений свойства — в отношения кровного родства, что должно полностью исключить их сексуальный аспект.

Рис. 3. Чабугара Хардоля в саду его дворца. Напротив входа конная статуя Хардоля. У входа сидит священнослужитель. Голубая пластиковая бадья наполнена свадебными пригласительными открытками.

Вторая часть легенды повествует о деянии Хардоля на свадьбе его племянницы, дочери его и Джуджхар Сингха сестры Кунджавати (Kuñjāvati). В этой части мы находим обоснование тому, почему его почитают как благодетеля невест. Главная тема здесь — *b̄xam* (*bhāt*) Хардоля. Основное значение слова *bhāt* в бундели, как и в других новых индоарийских языках, — ‘вареный рис’. В этноритуальном контексте региона это понятие включает главным образом дары дяди по материнской линии (*māmā*) невесте. По сути дела, это часть приданого, которую дает семья матери. Кроме того, брат одаривает сестру — мать невесты — и членов кровной семьи ее мужа. Помимо материальной поддержки, важна роль дяди-*māmā* в свадебном ритуале и, соответственно, его присутствие на свадьбе.

Кунджавати отправляется в Орчху из своего дома в Датии, соседнего с Орчхой княжества, чтобы пригласить на свадьбу старшего и, согласно основной фольклорной версии, после смерти Хардоля единственного брата Джуджхар Сингха. Тот встречает ее недружелюбно, отказывается принять приглашение и с циничной иронией рекомендует пригласить Хардоля. Придя в сад Пхульбаг, Кунджавати рыдает на остатках погребального костра Хардоля и просит его прийти на свадьбу. На самадхи (*samādhi*), где погребен его пепел, она приносит ему в жертву желтый (окрашенный куркумой) рис и слышит голос умершего брата, который говорит, чтобы она возвращалась домой и ни о чем не беспокоилась. Обнадеженная, Кунджавати отправляется в обратный путь.

Наступает день свадьбы, заканчивается совершаемый священником ритуал бракосочетания, и тут невеста откуда появляются многочисленные и богатые дары, а перед присутствующими — изысканные яства, на которые само собой льется топленое масло (*ghī*). Все испуганы. Только Кунджавати знает, откуда это все появилось. Жених отказывается есть до тех пор, пока не увидит, кто подает еду. Поскольку по обычаю никто не может притронуться к пище прежде жениха, Хардолю, чтобы не портить свадьбу, не остается ничего иного, как показаться в своем смертном облике. Свадьба удалась на славу, Кунджавати и кровная семья шурина Хардоля спасены от бесчестья. Тогда Кунджавати просит брата оказывать всем семьям при выдаче дочерей замуж такое же благодеяние, какое он оказал ей, родной сестре. Хардоль соглашается и уходит обратно в «свое место» (*apne asthān*).

Я. В. Васильков определяет место, куда, выполнив свой долг перед сестрой, уходит Хардоль, как «рай воинов» (Vassilkov 2016: 198). Песенное повествование не дает оснований для этого мнения. В нем Хардоль предстает, несомненно, как герой, но не воин. Его героизм заключается в том, что он жертвует жизнью ради чести своей кровной семьи и спасает честь сестриной семьи. Скорее, он уходит в пространство между землей и небом, где, как считается, пятьсот лет пребывают духи людей, при жизни благонравных и делавших добро (полевые записи 2004 и 2007 г. в Джханси

и Орчхе). Воинская составляющая его образа развилась, очевидно, преимущественно в прозаических повествованиях о нем начиная со второй половины XX в.

Согласившись на просьбу сестры помогать всем семьям при выдаче дочерей замуж, Хардоль оказался «функциональным» братом женщин Бунделькханда или их дядей по материнской линии, в зависимости от возраста и ситуации, что, однако, не исключает восприятия этой фигуры как *lālā* ‘младший деверь’, ‘милый’, ‘сын’. Этот термин свойства, равно как и основное, отраженное в песнях фольклорное повествование, свидетельствует о преимущественно женском характере этого культа, отмеченном Дирком Кольфом (Kolff 1990). Эта интерпретация была повторена Равиндрой Джайном (Jain 2002). Образ Хардоля в песенном фольклоре, отраженный в ядре прозаического повествования, возник как идеал младшего деверя. *Lālā* — младший мужчина в семье мужа, который принимает на себя заботу о семье (стариках, женщинах и детях), когда другие мужчины отправляются на заработки. Основным видом «отходничества» в Бунделькханде была война. Бунделы, известные европейцам прошлых веков как бондилляры, высоко ценились на рынке воинского труда, и в войсках многих правителей были наемники из этой группы (Kolff 1990). Лала оставался, чтобы заботиться о семье и беречь честь женщин, с которыми он связан свойством, как Лала Хардоль с рани Чампавати, и родством, как Лала Хардоль с сестрой Кунджавати. Тем самым он хранил честь семьи, гарантией которой служит честь ее женщин. Потому в женских песнях его и просят охранить честь, как в песнях I и II, и о помощи, как в песне V, а также просят быть всегда *лалой* — младшим деверем, милым, любимцем, как в песне IV.

МОЛИТВЕННЫЕ ПЕСНИ

Под этим названием я объединяю все песни, содержащие просьбы к Хардолю, какой бы характер они ни носили, будь то мольба о помощи или приглашение на свадьбу. Сюда включены как песни, обращенные только Хардолю, так и те, в которых он упоминается в группе богов.

Песни даются в транслитерации, следующей в основном системе IAST. Непроизносимый, но явствующий из написания шрифтом деванагари краткий *a* в срединной позиции в слове передается знаком «апостроф», например, *हरदौल* /Har'daul/. Это удобное дополнение к индологическим системам транслитерации предложил проф. Рахул Петер Дас.

Слова и части предложений, которые, очевидно, ошибочно не вошли в текст, но легко восстанавливаются, приводятся в квадратных скобках. Слова с явными опечатками помечены звездочкой и рядом в круглых скобках предлагаются другие варианты написания. Сохранены деление на строки, орфография и пунктуация оригинальных текстов. За переводом

каждой песни следует комментарий к ней. К песням I и II, содержащим общие строки-клише, дается общий комментарий.

Тексты, словосочетания и отдельные слова на бундели, напечатанные как латиницей, так и кириллицей, выделены курсивом. Непереводимые слова бундели, вставленные в русский текст, склоняются только в тех случаях, когда их использование в именительном падеже может затруднить понимание строки. Значение этих слов объясняется в комментарии к песне.

Приглашения божествам

I.

1. *morī jā pat rākho Dimān Lalā*
2. *morī jā pat rākho*
3. *sab deī dev'tan khō dūdā malīdā*
4. *so more Har'dol jū khō kore barā*
5. *sab *deh (deī) dev'tan [ʰkhō] dūdā malīdā*
6. *sō jeṭhe siy'ne khō kore barā.*

(Tivārī, Manoj 1995: 45)

1. Охрани мою честь, Диман Лала,
2. Охрани мою честь,
3. Всем богиням и богам принесу я в жертву *дуда малида*,
4. А моему Хардолю *джу* сухие *бара*,
5. Всем богиням и богам [принесу я в жертву] *дуда малида*,
6. А большому-старшему сухие *бара*.

II.

1. *morī jā pat rākho Dimān Lalā*
2. *morī jā pat rākho morī raiyat kī rākho*
3. *bastī pe dhār dev jay mālā —*
4. *morī jā pat rākho*
5. *sab *daī (deī) dev'tā khō dūdā malīdā*
6. *hamāre Gaṇeś jū [ʰkhō] kore barā —*
7. *morī jā pat rākho*
8. *sab daī (deī) dev'tā khō dūdā malīdā*
9. *morī devī māī khō kore barā —*
10. *morī jā pat rākho [ʰDimān Lalā* *morī jā pat rākho]*

(Tivārī, Manoj 1995: 46)

1. Охрани мою честь, Хардоль Лала,
2. Охрани честь мою и моего народа,
3. Повесь на селение гирлянду славы —
4. Охрани мою честь, Хардоль Лала,

5. Всем богам и богиням [принесу я в жертву] *дуда малида*,
6. А моему Ганеше *джу* сухие *бара*
7. Охрани мою честь, Хардоль Лала,
8. Всем богиням и богам [принесу я в жертву] *дуда малида*,
9. А моей богине-матери сухие *бара* —
10. Охрани мою честь, Хардоль Лала!

В песнях I и II Хардоля просят о защите чести. По форме обе песни представляют собой монологи, произносят их женщины. Женщины сочиняют и поют их, как и подавляющую часть фольклорных песен. Просьба охранить их честь объясняется легендарными поступками Хардоля до и после смерти. В обоих случаях именно необходимость спасти честь женщин, с которыми он связан узами родства или свойства, и тем самым — честь семьи, побуждает его поступить так, как он поступает. В песне I его называют Диман Лала ‘главный министр-сын’, объединив два постоянных эпитета к имени Хардоля. В жертву ему принесут сухие (букв. ‘просто’) *бара* — колобки из гороховой муки, самую простецкую еду, которые, как объяснил д-р философии Бахадур Сингх Пармар¹ из Чхаттарпура, без подливки или кислого молока (*dahī*) с трудом лезут в горло даже непритязательным бунделькхандским крестьянам. Это угощение приготовлено для него как старшего -главного (*jeṭhe siy'ne*). Поскольку эта песня, очевидно, приглашение на свадьбу, то Хардолю — устройтелю свадеб, божественному дяде невесты, отведена на ней роль старшего. Кроме того, он — свой (*more*), близкий и доступный бог. Поэтому еда для него и других, тоже «своих», шиваитских богов, приглашенных на свадьбу, — Ганеши и Матери-Девы (песня II) — такая же, как для членов семьи. Богов более высокого ранга, отношения с которыми не столь близки, угощают *дуда малида* — тюрей из размоченной в молоке сладкой лепешки из пшеничной муки.

III.

1. *Hamare Gajānamd aise garaj hai,*
2. *Jaise Indr akhāre, pavan ke*
3. *Han'mat haī'rakh'vāre*
4. *havā bahar kho band karat hai*
5. *Dhvaj'mat kāj sabhāre, pavan ke*
6. *Han'mat haī'rakh'vāre*
7. *hamare Dūlā Dev aise garaj hai,*
8. *jaise Indr akhāre, pavan ke*
9. *Dhvaj'mat haī'rakh'vāre*
10. *hamare Har'daul Dev aise garaj hai,*

¹ Моя благодарность д-ру философии Бахадуру Сингху Пармару безгранична. Какие бы вопросы я ни задавала и какими бы средствами для этого ни пользовалась — по электронной почте, телефону, СМС и приложению Whatsapp, он отвечает на них, добавляя подробности и объяснения, проясняющие смысл текстов.

11. *jaise Indr akhāre, pavan ke*
12. *Han'mat haī rakh'vāre.*

(Tivārī, Manoj 1995: 47)

1. Наш Гаджананд громыхнет громом так,
2. Как Индра на своем небе,
3. Ханмат — надзиратель за ветром,
4. Ветер снаружи запирает (в дом не пускает),
5. Пусть Знаменосец меня в делах поддержит,
6. Ханмат — надзиратель за ветром.
7. Наш Дула Део громыхнет громом так,
8. Как Индра на своем небе,
9. Ханмат — надзиратель за ветром,
10. Наш Хардоль Део громыхнет громом так,
11. Как Индра на своем небе,
12. Ханмат — надзиратель за ветром.

Песня посвящена трем шиваитским богам: Ганеше (Гаджананд), Дуле/Дулхе Део (*dūlā, dūlhā*) и Хардолю, а кроме того — Хануману (Ханмат), который, хоть и относится к рамаитскому толку вишнуизма, но является также аватарой Рудры — Шивы. Кроме того Ханумана объединяет с Ганешей зооморфизм, а с двумя другими — отношение к стихиям. Дула/Дулха Део и Хардоль, выступающий здесь с расширителем имени Део (*дев*), то есть ‘господин’, ‘бог’, относятся, как и подавляющее большинство местных божеств, к шиваизму. Так, приносимый им в жертву кокосовый орех разбивают, что является одним из типичных признаков культов шайва. Дулха Део — коллега Хардоля по организации свадеб, но со стороны жениха. Само его имя *dūlhā* значит ‘жених’. С его культом связана легенда, согласно которой жених, услышав во время свадьбы рев коровы, ринулся на ее защиту и, спасая корову от тигра, погиб сам. Иногда его образ сливается с образом Хардоля, и далеко не все бундельхандцы знают, что это два разных божества. В комментируемой песне оба они являют типичные признаки *биров* (*bīr*) — духов людей, погибших насильственной смертью. Как истинные *бир*ы, они, в частности, способны управлять грозой и дождем, что сближает их с ведийским громовержцем Индрой. Поэтому есть песни, в которых к Хардолю обращаются с характерной мольбой не насыпать грозовой дождь на свадебную процессию. В ней совмещается представление о нем как о потенциально злом духе с образом благодатного учредителя свадеб. Среди метеорологически функциональных богов и обезьяна Хануман, сын ветра. Он же — Знаменосец, являющийся образцом мужества и преданности.

Следующие три песни я записала в 2004 г. с помощью жителя Джханси г-на Джанаки Шарана Вармы (Janaki Sharan Verma), которому

в 2019 г. исполнилось 95 лет. Это один из самых ярких представителей бунделькхандской интеллигенции, участник борьбы за независимость Индии, член и активный деятель партии «Индийский национальный конгресс». В течение почти двадцати лет он помогает мне в сборе материалов по фольклору и языку бундели. Я безмерно признательна за неоценимую помощь ему, а также его сыну, д-ру медицины Маноджу Кумару, благодаря посредничеству которого возможно общение с его отцом по электронным путям коммуникации.

IV.

1. *naj'riyā ke sām'ne tum har'dam lālā rahiyo,*
2. *tum kīnhīm bhābhī saum prīti,*
3. *jaisī sab duniyā kī rīti,*
4. *tum'ne karī nahīm an'rīti,*
5. *jaisī Lālā nāy nibhāī,*
6. *taisāī sadā nibahiyo,*
7. *naj'riyā ke sām'ne tum har'dam Lālā rahiyo.*

1. Оставайся для меня (букв. 'в моих глазах') навсегда *лалой*,
2. Ты любил свою невестку
3. По обычаю всего мира;
4. Ты не совершил никакого греха,
5. Как ты, Лала, поступал по отношению к своей невестке,
6. Так и поступай всегда,
7. Оставайся для меня (букв. 'в моих глазах') навсегда *лалой*.

Эта песня — монолог рани Чампавати после смерти Хардоля. Ее содержание связано с гнусной клеветой об интимной связи между ними. Обращаясь к Хардолю с просьбой оставаться для нее всегда *лалой* (младшим деверем, сынком), невестка, бывшая ему приемной матерью, подтверждает миру его, а заодно и свою, невиновность и чистоту их отношений. Возможно, это песенное содержание лежит в основе версий легенды, в которых Хардоль высказывает желание в следующем рождении быть сыном Чампавати. Так что не исключено, что слово «всегда», «постоянно» (*har'dam*) может в этом контексте охватывать и следующие жизни невестки и деверя. По словам д-ра философии Бахадура Сингха Пармара, любая женщина Бунделькханда идентифицирует себя с Чампавати в этом обращении². О восприятии Хардоля как всеобщего женского юного любимца свидетельствует и то, что его называют «*лала* земли Бунделов», ср. песню V. Несколько строк этой песни (V) встречаются разрозненно в относительно длинной повествовательной песне, излагающей историю отравления Хардоля и дарения *бхата* (Tivari, Shukla 1995: 66–68).

V.

² СМС от 12 мая 2019 г.

1. *Bundelā desā ke lālā bhale haī,*
2. *lachāre nāv,*
3. *gāvan gāvan cauī'rā desan desan nāv,*
4. *Madhukar sāh ke nātiyā Bīrsimh ke pūt*
5. *pāc batāsā nau bīrā jau kuṃv'ran kau bhog*
6. *pāc parevā nau sub'nā jau kuṃv'ran kau khel*
7. *daye haiṃ bhanejan bhāt jītan pē gāj parē,*
8. **mere (mare) samhāreṃ kāj*

1. Славен лала земли Бунделов,
2. Имя его велико,
3. В каждом селении есть его *чабутара*, в каждой земле идет о нем слава,
4. Внук Мадхукар Шаха, сын Бир Сингха,
5. Пять *батаса*, девять штук *пана* — вот удовольствие (еда) для царевича,
6. Пять голубей, девять попугаев — вот забава царевича,
7. [Ты] дал племяннице (дочери сестры) *бхат*, разрази гром живого [брата],
8. Мертвый взялся за дело.

Песня, начинающаяся как славословие Хардолю (строки 1–3), завершается проклятием, которое Кунджавати посылает старшему брату Джуджхар Сингху, и упоминанием о деянии Хардоля, после смерти выполнившем то, что должен был сделать живой брат (7-8). (В песню включены сведения о генеалогии Хардоля (4). Строки 5–6 представляют собой, скорее всего, фольклорные клише.

К строке 3: *Чабутары*, или традиционные святилища, посвященные Хардолю, действительно есть в каждом населенном пункте основной территории Бунделькханда. Их строительство значительно интенсифицировалось начиная с эпидемии холеры 1817 г., возникновение которой приписывалось гневу Хардоля (Sleeman 1915: 162–164). По-видимому, незадолго до этого он выделился из сонма духов людей, умерших насильственной смертью (*bīr*, соответствующее *vīr* в стандартном хинди). Такие духи предков способны насылать или устранять болезни, грозы с дождем, а также чинить и другие беды (Crooke 1926: 126, 200; Cunningham 1884) или же устранять их, в зависимости от своего отношения к человеку или группе людей. Эти свойства, хотя и поблекшие в свете нынешнего, более высокого положения Хардоля, не исчезли из его образа, как свидетельствует, в частности, песня III (строки 10–11).

К строке 4: Раджа Мадхукар Шах (годы правления: 1554–1591), славен тем, что при нем в Орчхе укрепился культ Рамы и был построен храм Раджи Рамы (Rām Rājā mandir), в котором ритуал включает черты

почитания бога как светского правителя. Сын Мадхукар Шаха раджа Бир Сингх Део (годы правления: 1604–1627) был, как уже упоминалось выше, самым великим раджей Орчхи. Его правление считается золотым веком княжества (Gaug 2005). Происхождение Хардоля должно убедительно свидетельствовать о том, что он унаследовал замечательные качества своих предков.

К строке 5: *batāsā* — полая конфета из сахарной карамели; *bīrā* (хинди *bīrā*) — бетель.

VI.

1. *Har'daul Lālā morī kahī mān liyau,*
2. *Har'daul Lālā.*
3. *kahī bhūlā parai kahī cūkā parai tau,*
4. *samhāle liyo, Har'daul Lālā.*

1. Хардоль Лала, услышь меня,
2. Хардоль Лала.
3. Если я впаду в заблуждение, если ошибусь,
4. Направь меня, Хардоль Лала.

Эта песня не нуждается в фактологическом комментарии. Из нее явствует, что Хардоль, помимо своей особой роли, наделен способностью абсолютного этического суждения и может спасти заблудшего смертного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В молитвенных, или просительных песнях, обращенных к Хардолю, он предстает в разных образах, в совокупности отражающих в общих чертах хронологию развития его культа. Он почитается как предок — свой, близкий, обладающий сверхъестественными силами дух, пекущийся о своих родных. Будучи духом человека, умершего насильственной смертью, он может быть опасен и, если его не ублажить приношениями и сладкой речью, найдет грозу. Корни его образа — шиваитские. Типичные для почитания предков представления смешиваются со сведениями, считающимися историческими. Высокое происхождение придает ему особое величие и благородство. Как отпрыск правящего рода, он простирает свою заботу на всю территорию подвластную его династии — Бунделам. Поскольку смерть настигла его в ранней юности, он остался невинен, воплощая для женщин Бунделькханда самые отрадные для них свойства младшего деверя — мужчины, которому не надо беспрекословно подчиняться, с которым можно вести себя на равных, на которого можно опереться. Он пожертвовал жизнью ради чести невестки и своей кровной семьи. В то же время он — брат, позаботившийся о дочери сестры и тем спасший честь их семьи. Поэтому в песнях его просят о помощи и о защите чести.

Рассмотренная группа включает только женские песни, и типичные черты местного божества в образе Хардоля облагорожены женской фантазией. Высокая этическая оценка этой фигуры свидетельствует об особом положении, возвышающим Хардоля над обычными местными богами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Оранская Т. И. Невестки и девери // Индийская жена. Исследования, эссе. М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 142–159.

Chaube R. G. The Legend of Hardaul // North Indian Notes and Queries. January, 1896. Vol. 5. No. 10. P. 163–165.

Crooke W. Religious Songs from Northern India // The Indian Antiquary. 1910. Vol. 39. P. 321–345. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.206688/page/n7> (дата обращения 16.04.2019).

Crooke W. The Popular Religion and Folk-Lore of Northern India. Oxford: Oxford University Press, 1926.

Cunningham A. Report on a Tour in the Central Provinces and Lower Gangetic Doab in 1881–1882. (Archaeological Survey of India. Vol. 16). Calcutta, 1884.

Gaur L. S. Orchā kā itihās (хинди: История Орчхи). Orchā dhām: Thākur L. S. Gaur, 2006–2007 (Vikram Saṃvat 2063).

Guptā S. Har'daul: Bundelī gāthā [Хардоль: бундельское песенное сказание]. Bhopāl: Ādivāsī Lokkalā evaṃ Bolī Vikās Akādāmī, Madhya Pradeś Saṃskṛti Pariṣad, 2015–2016 (Vikram Saṃvat 2072).

Jain R. K. Between History and Legend: Status and Power in Bundelkhand. New Delhi: Orient Longman, 2002.

Karve I. K. Kinship Organization in India. Delhi: Munshiram Manohar Publishers, 1990 [1953].

Kolff D. Naukar, Rajput and Sepoy: The Ethnohistory of the Military Labour Market in Hindustan, 1450–1850. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Michaels A. Der Hinduismus: Geschichte und Gegenwart. München: Verlag C. H. Beck, 2006.

Oranskaia T. A Bundela Prince Who Became a Deity: Strands of Divinizing // Divinizing in South Asian Traditions. London — New York, Routledge, 2018. P. 71–88.

Orchha Princely State: URL: www.indianrajputs.com/view/orchha (accessed: 27.04.2019).

Siṃh P. Bundelkhaṇḍ kā itihās (История Бунделькханда), saṃ. Par'mar B. S. (под ред. Пармара, Б.С.). Chatarpur, Siṃh K. P., 2009. Т. 9.

Sleeman W. H. Rambles and Recollections of an Indian Official. Revised annotated edition by V. A. Smith (et al.). London: Oxford University Press, 1915 [1844].

Smith V. A. Popular Songs of the Hamirpur District in Bundelkhand, N. W. Provinces. Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1875. Vol. XLIV. Issue IV. P. 389–392. URL: <https://archive.org/stream/journalofasiat4411875asia#page/n5/mode/2up> (accessed: 01.06.2019).

Tivārī S., Śukla M. Bundelkhaṇḍ ke saṃskār gīt (хинди; Бунделькхандские песни жизненного цикла). Bhopāl: Madhya Pradeś Ādivāsī Lok Kalā Pariṣad, 1995.

Vassilkov Y. The Mahabharata and the Non-Vedic Aryan Traditions //On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas: Relationship to Kāvya, Social and Economic Context (Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas, August 2008). Zagreb: Croatian Academy of Sciences and Arts, 2016. P. 181–203. URL: www.academia.edu/34252683/The_Mahabharata_and_the_Non-Vedic_Aryan_Traditions (дата обращения: 20.05.2019).

ON A GROUP OF FOLKSONGS FROM BUNDELKHAND, INDIA

ABSTRACT. The article presents six prayer folk-songs in Bundeli, a dialect of Hindi. They are transliterated, translated into Russian and provided with an ethno-religious commentary. They address Hardaul, a local deity considered a deified prince of the Bundela dynasty. It is believed that he lived in the 17th century. The centre of his cult is Orchha, the former Bundela capital. Hardaul is worshipped as the patron god of brides, who arranges weddings and is responsible for a happy married life. The legend of Hardaul includes his hagiography and the postmortal part. The former ends with his violent death of poison administered by his sister-in-law at the order of her husband, the Raja of Orchha. The reason was a slander accusing the Rani of a liaison with her brother-in-law. Hardaul partook the poisoned food in order to save the Rani's and the family honour. After his death, he bestowed rich presents to his sister's daughter at her wedding. Thus, he fulfilled his brother's (Bundeli *bīr*) financial and ritual duty, which saved the honour of his sister's family. These episodes elucidate the hero's (Bundeli *bīr*~ Hindi *vīr*) apotheosis and also the feminine essence of the cult, as it has been known since one hundred years or more. The analysis of the prayer songs in ethno-religious context makes it clear that Hardaul's figure is multilayered. A comparison to the typological characteristics of the deities belonging to the small tradition of Hinduism allows to trace the development of this deity from the cult of ancestors, more particularly, from the group of *bīrs*, i.e. spirits of people who died a violent death.

KEY WORDS: Hardaul, Bundelkhand, prayer folk-songs, patron of brides, family honour, *cabūt'rā*, cult of the ancestors, Shaivism, *bīr*, *bhāt*

Tatiana I. ORANSKAIA — Professor, University of Hamburg (Germany, Hamburg)
E-mail: tatiana.oranskaia@uni-hamburg.de

REFERENCES

- Oranskaia T. I. [Brothers' Wives and Husband's Brothers]. *Indijskaia žhena. Issledovaniia, esse* [Indian wife. Studies and essays]. Moscow: Publishing House "Vostočnaja Literatura" Russian Academy of Sciences Publ., 1996, pp. 142–159. (In Russian).
- Crooke W. The Popular Religion and Folk-Lore of Northern India. Oxford: Oxford University Press, 1926. (In English).
- Gaur L. S. [History of Orchha] *Orchā kā itihās*. Orchā dhām: Ṭhākūr L. S. Gaur, 2006–2007 (Vikram Saṃvat 2063). (In Hindi).
- Guptā S. Har'daul: Bundelī gāthā. Bhopāl: Ādivāsī Lokkalā evaṃ Bolī Vikās Akādamī, Madhya Pradeś Saṃskṛti Paṛiṣad, 2015–2016 (Vikram Saṃvat 2072). (In Hindi).
- Jain R. K. Between History and Legend: Status and Power in Bundelkhand. New, 2002. (In English).
- Karve I. K. Kinship Organization in India. Delhi: Munshiram Manohar Publishers, 1990 [1953]. (In English).
- Kolff D. Naukar, Rajput and Sepoy: The Ethnohistory of the Military Labour Market in Hindustan, 1450–1850. Cambridge, 1990. (In English).
- Michaels A. Der Hinduismus: Geschichte und Gegenwart. München: Verlag C. H. Beck, 2006. (In German).
- Oranskaia T. A Bundela Prince Who Became a Deity: Strands of Divinizing. *Divinizing in South Asian Traditions*. London, New York, 2018. (In English).
- Siṃh P. [History of Bundelkhand] *Bundelkhaṇḍ kā itihās, saṃ. Par'mar B. S.* Chatarpur: Siṃh K. P. vol. 9, 2009. (In Hindi).
- Tivārī S., Śukla M. [Bundelkhand Life Cycle Songs] *Bundelkhaṇḍ ke saṃskār gīt*. Bhopāl: Madhya Pradeś Ādivāsī Lok Kalā Paṛiṣad, 1995. (In Hindi).
- Vassilkov Y. The Mahabharata and the Non-Vedic Aryan Traditions. *On the Growth and Composition of the Sanskrit Epics and Purāṇas: Relationship to Kāvya, Social and Economic Context (Proceedings of the Fifth Dubrovnik International Conference on the Sanskrit Epics and Purāṇas, August 2008)*. Zagreb: Croatian Academy of Sciences and Arts, 2016, pp. 181–203. (In English).